

— Пробовала однажды. Но суфле оседает почти сразу после того, как его вынимают из духовки. Его вкус — мимолетное удовольствие. Мало кто из кондитеров умеет делать его как следует, малейшая ошибка — и блюдо испорчено, поэтому я ем его нечасто, — объяснила Цзянь Ми.

Хо Наньбэй тихо хмыкнул:

— Столько возни. Через пару дней приглашу домой кондитера из Айши. Будет печь прямо при нас — съели, испекли, съели. Наедемся досыта.

Цзянь Ми стало одновременно смешно и трогательно. Она подалась вперед и поцеловала его в щеку:

— Не можешь не сорить деньгами?

— Не могу, — Хо Наньбэй пожал плечами. — Если есть деньги, ими нужно наслаждаться. Особенно когда речь идет о любимой женщине.

Цзянь Ми прильнула к его груди. В этот момент сердце у нее наполнилось до краев, словно то самое пышное суфле.

— Наньбэй, завтра ровно полгода, как мы знакомы... — тихо проговорила она.

Хо Наньбэй замер, на мгновение погрузившись в свои мысли:

— И правда. Как быстро летит время.

— Угадай, что я тебе приготовила? — она бессознательно выводила узоры на его груди, в голосе звучала нежность.

— Не могу догадаться. Что же это?

— Не скажу, — на губах Цзянь Ми заиграла улыбка. — Вот придет время — сделаю сюрприз.

Хо Наньбэй смотрел на линию ее волос, его рука невольно потянулась погладить их. У Цзянь Ми были мягкие длинные волосы; кончики пальцев, скользящие по прядям, дарили ощущение прохладной шелковистости. Он словно пристрастился к этому занятию.

— Хорошо, — отрешенно отозвался он.

Весь вечер Цзянь Ми была рассеянна, обдумывая, как бы потактичнее расспросить его о родителях. Но в постели, в уютной атмосфере, да еще и после двух дней утомительной работы над фигурками и дипломным проектом, она незаметно для себя уснула.

А вот Хо Наньбэй спать не хотел. Слушая ровное, легкое дыхание жены, он чувствовал, как вокруг витает сладкий аромат, а внутри него разгорается пламя. Оно становилось все жарче, и казалось, еще секунда — и он превратится в зверя, готового наброситься на безмятежно спящее тело рядом.

За все время после свадьбы их близость не была частой. Он старался сохранять спокойствие, но чувствовал, что эта напускная выдержка вот-вот даст трещину.

Настольная лампа не была выключена. Мягкий желтоватый свет падал на лицо Цзянь Ми. Она лежала на боку, мягкие волосы прижаты к шее, лишь несколько прядей рассыпались по щеке. Сама щека — белая с легким румянцем, у мочки уха виден нежный пушок. Красные губы слегка надулись, уголки рта приподняты — словно даже во сне она нашла что-то вкусное и приглашает его разделить трапезу...

Он долго смотрел на нее, не осознавая этого, пока его не отрезвил резкий звук: на прикроватной тумбочке завибрировал телефон.

Взглянув на экран, он нахмурился, встал с кровати и вышел из спальни.

— Что случилось? — коротко спросил он.

— У меня ежегодный отпуск, я в Цзиньшане, с сестрой Дунцянью, — раздался голос Ань И. — Сегодня она чувствует себя неплохо, все спрашивает, куда ты пропал.

Голос Хо Наньбэя мгновенно стал жестким:

— Ты же не сказала ей про Цзианя?

— Как я могла об этом заикнуться? — Ань И помедлила. — Слышала от сиделок, что последние два дня она любит запирается в комнате и разговаривать сама с собой. Хочу побыть с ней.

— Дай ей трубку, — сердце Хо Наньбэя сжалось, он затаил дыхание.

В трубке слышались шорохи, и через некоторое время кто-то позвал:

— Наньбэй...

— Сестра, — голос Хо Наньбэя сразу стал низким, — это я.

— Как ты там? Береги себя, похолодало — одевайся теплее. Не думай все время только о деньгах, главное сейчас — хорошо закончить учебу... — голос женщины по имени Дунцянью звучал мягко и суетливо.

Хо Наньбэй терпеливо слушал, изредка откликаясь, на его губах блуждала улыбка.

— Когда ты вернешься в Цзиньшань? Мне снились папа и мама, и еще много людей... Прости, что я такая слабая, что стала для тебя обузой...

Женская интуиция в этот момент обострилась до предела. Цзянь Ми вдруг поняла, откуда исходит эта ненависть: Ань И любит Хо Наньбэя, а ее презрение лишь подтверждает, что эта женщина знает всю подноготную их брачного фарса.

Подруга детства, знающая даже пароли в доме — интересно, кто из них с Юнь Лицзы в конце концов станет хозяйкой этого дома?

— Как у тебя хватает совести здесь оставаться? — холодно бросила Ань И. — На моем месте, после такого унижения, я бы давно не показывалась людям на глаза и укатила куда подальше.

Цзянь Ми ошеломленно посмотрела на нее и вдруг рассмеялась:

— Не рановато ли ты примеряешь на себя роль хозяйки дома? Мы еще не разведены, и кто должен выметаться из этого дома — по-моему, очевидно, не так ли?

Лицо Ань И застыло, она насмешливо фыркнула:

— Что ты сейчас языком мелешь? Наньбэй никогда тебя не любил. Он с самого начала приблизил тебя к себе с четкой целью. Его родители — нанятые им за деньги люди, а ты до сих пор радостно называешь их папой и мамой. Свадьба, которую он устроил — такая пышная и роскошная — была лишь для того, чтобы звонче ударить по лицу тебя и твоего отца. Он балует тебя, лелеет, а в глубине души, должно быть, ненавидит и презирает... Цзянь Ми, ты что, мазохистка? Готова терпеть любые унижения, лишь бы цепляться за Наньбэя?

Цзянь Ми сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони, но боли она не чувствовала.

Одно дело — догадываться самой, и совсем другое — когда женщина, положившая глаз на Хо Наньбэя, сдирает с тебя эту пелену стыда. То, что Хо Наньбэй рассказал ей все, было сродни тому, как если бы он сорвал с нее всю одежду и заставил стоять перед Ань И совершенно нагой.

Словно нож вонзился в грудь, в самое сердце, брызнув кровью.

Руки Цзянь Ми задрожали, папка для рисования упала на пол.

Ань И презрительно взглянула на нее, подошла к мольберту и наугад вытащила рисунок. Это

был портрет: глубокий взгляд Хо Наньбэя, холодные брови и глаза были выписаны углем до мельчайших деталей. Ревность, словно червь, заскребла внутри, вгрызаясь в сердце.

— Рисуешь неплохо. У Наньбэя действительно есть все данные, чтобы в него влюбиться, жаль только, что ты сама себя обманываешь, — она не спеша разорвала рисунок на две части, потом на четыре...

Цзянь Ми тупо смотрела, как ее труд превращается в мелкие клочки бумаги, разлетаясь по комнате.

Это была частица ее души, в этих работах были сосредоточены все ее надежды на любовь и искусство за последние месяцы.

Ань И схватила еще пачку рисунков и принялась небрежно их листать, на ее губах играла почти жестокая улыбка:

— Ого, сколько же ты их нарисовала. Хочешь забрать их домой как реликвию? Если Наньбэй узнает, что ты так фантазируешь о нем, интересно, не стошнит ли его?

Руки Цзянь Ми мелко дрожали. Она бросилась к ней, вырвала рисунки, с силой разорвала их и с яростью швырнула в Ань И:

— Вон! Пошла вон отсюда!

— К чему такая истерика? — Ань И злорадно усмехнулась. — Я могу понять твои чувства, в конце концов, такой человек, как Наньбэй, — редкая находка. Но советую не тратить силы зря. Наньбэй не вернется к тебе. Сестра Дунцзянь вырастила нас обоих, она еще давно говорила, что только я подхожу Наньбэю. А ты — всего лишь случайная ветка, невесть откуда выросшая на дереве. Только если ее отсечь, Наньбэй сможет быть счастлив со мной и с сестрой Дунцзянь...

Раздался грохот: Цзянь Ми смела со стола все, что подвернулось под руку. Краски брызнули на мольберт и стены, на Фантомный лотос Мэнцзи выплеснулось большое красное пятно, превращая изысканный цветок в нечто безобразное. Фигурки, стоявшие в центре, отлетели, с грохотом ударились о стеклянный шкаф и упали на пол, покотившись к ногам Цзянь Ми.

У одной лапы леопарда отломились, на другой пошла трещина.

Цзянь Ми пошатнулась и опустилась на колени. Она хотела поднять их, но руки дрожали так сильно, что она не могла их унять.

— Что происходит? Ань И, почему ты не выходишь? — раздался голос Хо Наньбэя из коридора.
— Из-за чего ты так долго возишься с этой курткой...

Он замолчал на полуслове, ошеломленно глядя на разгром в мастерской:

— Что здесь случилось?

Цзянь Ми, шатаясь, поднялась и шаг за шагом подошла к нему.

— Хо Наньбэй... — тихо позвала она, не сводя с него глаз.

Хо Наньбэй помрачнел:

— Опять закатываешь свои капризы...

Раздался звонкий хлопок — Цзянь Ми из последних сил влепила ему пощечину.

Хо Наньбэй застыл.

— Бесстыдник! Подлец! — процедила Цзянь Ми сквозь зубы. Ее повело, и она рухнула на пол.

Почти инстинктивно Хо Наньбэй подхватил ее на руки. Глядя на ее закрытые глаза и бледное лицо, он почувствовал, как сердце пропустило удар, а в груди закололо от странного, незнакомого чувства.

Не разбираясь в причинах, он помчался в больницу, по пути позвонив Хэ Вэйланю.

Хэ Вэйлань действовал быстро: по прибытии в больницу Цзянь Ми сразу поместили в палату интенсивной терапии, а лечить ее поручили знакомому заведующему терапевтическим отделением.

Хо Наньбэй ждал за дверью, наблюдая, как врачи снуют туда-сюда, и чувствовал, как внутри закипает беспричинное раздражение. С тех пор как они порвали отношения с семьей Цзянь, это раздражение преследовало его постоянно, и это было совсем не похоже на то торжество мести, которое он себе представлял.

— Наньбэй, пора ехать, — напомнила Ань И, все это время следовавшая за ним. — Мы же договорились сегодня вернуться в Цзиньшань.

— Подожди еще немного, — рассеянно бросил Хо Наньбэй, глядя на закрытую дверь палаты.

Ань И глубоко вздохнула, не в силах скрыть разочарование:

— Наньбэй, ты собираешься ради этой женщины менять планы и откладывать встречу с сестрой Дунцян?

Хо Наньбэй опомнился и нахмурился:

— Что ты несешь? Я просто жду результатов обследования.

— Ты сказал, что хочешь привезти сестру Дунцянь в Цзиань на лечение. Я хоть и не согласна, но не хочу тебе мешать. Но положи руку на сердце и спроси себя: о чем ты сейчас думаешь? Почему до сих пор не развелся с Цзянь Ми? Почему до сих пор не выложил все карты семье Цзянь? — голос Ань И дрогнул. — Наньбэй, неужели ты хочешь, чтобы сестра Дунцянь жила под одной крышей с дочерью этого лицемера, чтобы семьи помирились? Ты же нож в сердце ей втыкаешь! Если у тебя такие планы, скажи мне сразу, я увезу сестру Дунцянь в Бэйду, хотя бы не буду видеть всего этого, так пойдет?

Хо Наньбэй замер. Мысли, которые он прятал глубоко внутри и боялся коснуться даже сам, в этот момент были вывернуты наружу Ань И.

Действительно, что он делает?

Он планировал все эти годы лишь с одной целью — отомстить за Нин Дунцянь, заставить того подлеца, что бросил ее, понести заслуженное наказание. Цзянь Ми была лишь инструментом. Все должно было закончиться давно. Нерешительность ведет к беде — это никогда не было в духе Хо Наньбэя.

Его взгляд стал холодным и твердым. Он безразлично ответил:

— Пойдем.

Ань И замерла, на ее губах расцвела улыбка. Она уже хотела подхватить его под руку, как дверь палаты открылась. Вышел Хэ Вэйлань в сопровождении лечащего врача. Его лицо было суровым, он тяжело вздохнул:

— Наньбэй, отпусти ее. Хватит ее мучить.

Сердце Хо Наньбэя на мгновение остановилось. Он спросил лишь спустя время:

— Что с ней... случилось?

— Острый миокардит, скорее всего, последствия недолеченного гриппа, — глухо произнес Хэ Вэйлань. — У нее сильное нервное истощение. Если так пойдет дальше, последствия будут необратимыми. Наньбэй, я не могу смотреть, как ты совершаешь такую ошибку.

Воздух словно застыл, стало трудно дышать.

Долгое время спустя Хо Наньбэй ответил сухо:

— Я понял. Передай ей, пожалуйста: как поправится, пусть назначит время в ЗАГСе, чтобы оформить развод.

Когда Цзянь Ми проснулась, уже стемнело. Врач дал ей успокоительное, и сон был глубоким.

В палате интенсивной терапии она была одна, слышно было лишь механическое попискивание монитора сердечного ритма. За окном царила ночная тишина, изредка нарушаемая стрекотом цикад. Вспоминая разгром в мастерской и ядовитые слова Ань И, она чувствовала себя так, будто это было в другой жизни.

Одышка и стеснение в груди не проходили. Цзянь Ми с трудом села на кровати и только хотела нажать кнопку вызова, как дверь открылась и вошел Хэ Вэйлань.

— Как самочувствие? — он мельком взглянул на монитор.

Цзянь Ми чувствовала себя неловко:

— Прости, что снова доставляю столько хлопот. Выручаешь меня уже второй раз. Эта палата, наверное, очень дорогая, лучше я перейду в обычную.

— Все в порядке, это наша закрепленная палата, — улыбнулся Хэ Вэйлань. — Считай это моим извинением за этого сумасшедшего Хо Наньбэя. Не стесняйся.

При упоминании этого имени Цзянь Ми замолчала.

— Не принимай так близко к сердцу. Главное — жить здоровой, — Хэ Вэйлань смотрел на нее пронзительным взглядом, словно видел сквозь нее что-то неведомое.

Цзянь Ми выдавила улыбку:

— Я знаю.

— Твоей маме я все объяснил, не переживай. Отдыхай эти дни. Миокардит — болезнь не шуточная, если не вылечить до конца, будут осложнения, — сказал Хэ Вэйлань, позвал медсестру, дал ей указания и ушел.

В этом мире все же есть добрые люди. Хэ Вэйлань, по сути, почти незнакомец, протянул руку помощи — это было очень трогательно.

Раз уж она все равно осталась в долгу, Цзянь Ми решила больше не ломаться. Она пролежала в палате три дня, пока показатели не пошли на поправку.

Друзья, узнав о том, что она в больнице, поспешили навестить ее.

Видимо, они заранее договорились: никто не упоминал Хо Наньбэя. Особенно Чэнь Нянь — он вернулся к образу веселого и остроумного парня, рассказывая байки из банка, где работал.

— Сегодня пришла старушка лет семидесяти перевести деньги. Наш менеджер пытался ее остановить, мол, это мошенники, так она два часа просидела в зале, выла, что банк хочет украсть ее кровные, даже полицию вызвала...

— Надо было позволить ей перевести, такие люди сами виноваты, если их обманывают, — вставила Фань Жунь.

— Ты слишком наивна, сестренка, — усмехнулся Чэнь Нянь. — Была одна старушка, у которой деньги украли, так она потом уперлась, что это банк их присвоил, и требовала вернуть.

Фань Жунь выругалась:

— И что это за люди такие!

Цзянь Ми слушала их и улыбалась, иногда вставляя реплики. Она понимала доброту своих друзей и не хотела больше их волновать.

Линь Ци вбежала в палату, запыхавшись, с чемоданом на колесиках и несколькими обернутыми тканью холстами. Она осторожно положила их на кровать:

— Сяо Ми, посмотри, здесь ли то, что ты просила. В той комнате такой бардак, я не уверена, что нашла все.

Цзянь Ми поблагодарила тетю Чэнь и попросила Линь Ци достать одежду и инструменты для рисования. Остальное было пустяками, но вот работу, которую нужно было сдать, она испортила — нужно было срочно написать новую.

Развернув ткань, она убедилась: все четыре холста на месте, все — на стадии двух третей готовности.

— Болтайте пока, я поработаю, — сказала Цзянь Ми. — Кто-нибудь, будьте добры, отнесите потом преподавателю Чжэну, он, наверное, уже заждался.

— Давай я, — поспешно вызвался Чэнь Нянь, подготавливая ей кисти и краски. — Но ты уверена, что сможешь?

Цзянь Ми горько усмехнулась. Сейчас было не до качества, главное — успеть сдать. Она взяла самый заверченный рисунок — Байцзэ, преследующий облака. Благовещенский Байцзэ, рожденный из образа льва, белоснежный, с мощными рогами и крыльями — его грозная голова проступала сквозь облака. Стиль был тот же, что и у уничтоженного Фантомного лотоса.

Глаза Байцзэ еще не были прорисованы — она хотела поработать над ними позже, но сейчас сил не было.

Смешав краски, она только хотела коснуться кистью холста, как в голове промелькнул образ Мэнцзи, залитого красной краской, и изуродованные фигурки леопардов... Руки предательски задрожали. Капля краски упала на голову Байцзэ, быстро расплывшись в пятно.

Она замерла, прижала руку к себе и в ужасе закричала:

— Что это? Почему она не останавливается? Я не приказывала ей дрожать...

Рентген и МРТ показали, что с костями и нервами все в порядке.

Было совершенно очевидно: в остальное время руки Цзянь Ми были в норме. Но стоило взять кисть, как начиналась сильная дрожь. Она не могла писать, а если заставляла себя — линии получались кривыми, как у ребенка.

После долгих обследований и психологических тестов Хэ Вэйлань и лечащий врач пришли к выводу: у Цзянь Ми диссоциативное двигательное расстройство, вызванное психологической травмой. Клинически это проявлялось так: при контакте с предметами, связанными с травмирующим событием, начиналась сильная дрожь в кистях и пальцах.

— Не бойся, — утешал ее Хэ Вэйлань. — Болезнь в легкой форме, в повседневной жизни это не мешает. Хотя это редкий случай, при постепенном лечении и проработке психологических причин все можно вылечить. Среди моих пациентов были люди с потерей голоса, нарушениями памяти, зрения — 70-80 процентов из них выздоровели. Не волнуйся...

Лицо Цзянь Ми было мертвенно-бледным. Она не сводила глаз со своих рук. Тонкие, изящные пальцы — в отличие от многих девушек, любивших длинные ногти и лак, она из-за многолетнего занятия живописью всегда коротко стригла ногти, а на среднем пальце правой руки от привычки держать кисть образовался мягкий мозоль.

Рисование было ее страстью с детского сада. Целых шестнадцать лет она была неразлучна с красками и кистями.

И вот этот брак разрушил все.

Она открыла рот, пытаясь что-то ответить, чтобы поддержать разговор, но горло перехватило спазмом.

У Линь Ци покраснели глаза, слезы стояли в них — если бы не присутствие врача, она бы уже

разрыдалась. Фань Жунь сидела на краю кровати, растерянно повторяя одни и те же слова утешения:

— Сяо Ми... поплачь... станет легче...

Чэнь Нянь смотрел на нее не отрываясь. Они выросли вместе: один занимался музыкой, другая — живописью. Никто не знал лучше него, что значило рисование для Цзянь Ми.

На виске запульсировала вена. Он вдруг выругался и направился к выходу.

Фань Жунь, почувствовав неладное, окликнула его:

— Чэнь Нянь, стой! Ты куда?

— Найду этого ублюдка и набью ему морду! Сломаю ему руки в отместку за Сяо Ми! — бросил он, не оборачиваясь.

— Чэнь Нянь... — негромко позвала Цзянь Ми. Ее голос был хриплым, но заставил его остановиться.

— Зачем его бить?

<http://bllate.org/book/18484/1776837>